

Содержание

Жан-Жак Порша	
Три месяца в снегу	
<i>Перевод Е. Нелидовой</i>	7
Макс Вебер	
Под поездом в ночь на Новый год	93
О. фон Оверкамп	
Salve Regina! <i>Рождественский рассказ</i>	111
Карл Эвальд	
Рождество	
<i>Перевод Веры Спасской</i>	135
Габриеля Запольская	
И не введи нас во искушение!..	
<i>Перевод О. Вишневецкой</i>	164

О. Генри

День, который мы празднуем

Перевод Зиновия Львовского 190

Юрген Юргенсен

Белые Святки на Конго

Перевод Зинаиды Журавской 201

Морис Ренар

Конец бала

Перевод М. Т. 221

Жан-Жак Порша¹
(1800–1864)

Три месяца в снегу

Предисловие

Прочтя заглавие этого рассказа, наши читатели могут принять его за маловероятную выдумку. А между тем это истинное происшествие, которое не покажется несколько невероятным людям, знакомым с условиями жизни в горах и слышавшим о случайностях, которым подвергаются горцы.

Прежде чем приступить к самому рассказу, мы скажем несколько слов о месте действия его — Юрских горах и о жизни обитателей этих гор, полной труда и лишений.

Юра представляет собою ряд горных цепей, тянувшихся почти через всю Швейцарию с северо-востока на юго-запад. В Юрских горах

.....
¹ *Жан-Жак Порша* (Porchat; 1800–1864) — швейцарский писатель.

встречается немало долин и высоких вершин. Чем выше горы, тем холоднее на них, тем короче лето, тем скуднее растительность, тем обильнее и непроходимее снега, выпадающие зимой, и, следовательно, тем менее они обитаемы. С наступлением лета все горы Юрской цепи освобождаются от снежного покрова, и даже на самых высоких вершинах ее все же пробивается хоть скудная растительность; великолепные леса, на склонах гор, одеваются свежей зеленью, обширные пастбища покрываются ковром молодой, сочной травы, и многочисленные стада быков, коров и коз пасутся на них. Но только в продолжение пяти месяцев — от мая до октября — можно жить на этих чудных горах, в остальное время года они покрыты непроходимыми снегами.

Как только весеннее солнце растопит снега в горах и оденет вершины свежей зеленью, обитатели деревушек, расположенных в долинах или на нижних склонах гор, отправляют свои стада в горы. Этот день — праздник для всей деревни, несмотря на то что пастухи обрекают себя в течение долгих месяцев на разлуку с родной семьей и на жизнь, полную трудов и лишений. Им предстоит провести все лето на вершинах гор со своими стадами, питаться почти исключительно молоком и сыром, который они

приготавливают на продажу, ничего не пьют, кроме ключевой воды.

Живут они в маленьких хижинах, состоящих из трех отделений: хлева для скота, молочной для выделки сыра и кухни, служащей пастуху вместе с тем для ночлега. На крышу хижины горцы обыкновенно накладывают камни; они придают ей своей тяжестью и служат защитой против бурь, которые, нередко с невероятною силой разражаясь в горах, легко могут сорвать крышу с пастушьей хижины. Пастухи проводят все лето в полном одиночестве. Изредка только в горы заходят путешественники, и горцы с удовольствием делятся с ними молоком и сыром, получая взамен свежий хлеб — редкое лакомство для них.

С наступлением осени пастухи уходят с гор со своими стадами и возвращаются в деревню. Здесь их ищут другие работы: в течение зимы они изготавливают домашнюю утварь, мебель и искусно вырезают из дерева всевозможные вещицы.

Обреченные вести однообразную, замкнутую жизнь, швейцарские горцы все же не жалеют о своей судьбе; они остаются верными привычкам своих отцов и страстно привязаны к родным горам. Снега, в изобилии выпадающие зимою в горных деревнях, нередко лишают

детей возможности добраться до школы. Тогда они продолжают свое ученье дома; собравшись вокруг родителей, занятых своей работой, они читают вслух и, развлекая взрослых, сами не отстают от занятий.

Узнавши это, наши читатели поймут, что герой нашего рассказа, деревенский мальчик, заброшенный стечением обстоятельств на долгие месяцы в уединенную горную хижину, мог изо дня в день записывать в дневник все то, что ему пришлось испытать во время своего заточения. Этот бесхитростный, правдивый рассказ, написанный самим героем, его мы и предлагаем нашим читателям.

Дневник юноши

22 ноября 18...

Так как Богу угодно, чтобы мы с дедушкой были заключены в этой хижине надолго, то я буду записывать всю нашу жизнь здесь изо дня в день. Если нам суждено умереть, наши родные и друзья узнают из этих записок о наших последних днях, если же мы спасемся, то они будут служить нам воспоминанием о наших страданиях.

Дедушка посоветовал мне заняться этой работой, чтобы скоротать долгие дни заключения. Я начну с того, что случилось с нами вчера.

Мы уже несколько недель ждали нашего отца с гор. Все пастухи спустились со своими стадами, а отца все еще не было. Никто не знал, что могло задержать его там. Дяди и тетки уверяли, что беспокоиться нечего: по всей вероятности, в горах еще есть корм для коров, и потому отец остался несколько дольше обыкновенного.

Несмотря на это, дедушка тревожился.

— Я пойду и узнаю сам, почему запоздал Франсуа, — сказал он. — Я не прочь еще раз повидать хижину.. Может быть, мне не придется увидеть ее в будущем году! Хочешь идти со мной? — прибавил он, обращаясь ко мне.

Я только что хотел просить его взять меня с собой; мы с ним очень редко расставались.

Скоро мы были уже в пути. Медленно поднимались мы, то проходя через узкие ущелья, то карабкаясь над глубокими пропастями. Когда мы были за четверть мили от хижины, я приблизился из любопытства к крутому обрыву. Дедушка подбежал, чтобы удержать меня за руку, и оступился о камень, который подкатился ему под ноги. Тотчас же он почувствовал сильную боль в ноге; она, впрочем, через несколько минут

стихла, так что он мог идти с помощью палки и опираясь на мое плечо.

Отец был очень удивлен, увидя нас.

Он уже собирался возвращаться домой, и если бы мы потерпели еще только один день, то дождались бы его.

— Батюшка, — сказал он, идя к нам навстречу, — вы, верно, думали, что со мной случилось какое-нибудь несчастье?

— Да, мы пришли узнать, почему ты не идешь домой, ведь все соседи уже вернулись.

— У меня заболели коровы и только теперь выздоровели. Сегодня вечером я хотел послать Пьера с остатками сыра, а завтра собирался идти сам со стадом.

— Ты очень устал, Луи? — спросил меня дедушка. — Я думаю, — прибавил он, обращаясь к отцу, — что было бы лучше отправить мальчика сегодня с Пьером. Ветер переменился, и я боюсь, что ночью будет дурная погода.

— Я бы хотел остаться, — сказал я, обнимая отца, — дедушке необходимо отдохнуть хоть ночь; он ушиб себе ногу по моей неосторожности.

Отец уступил моим просьбам, и было решено остаться до понедельника.

Пока мы так разговаривали, на огне варилась похлебка из кукурузы, на которую

я посматривал с нетерпением. С удовольствием поел горячей похлебки и молочной каши и спокойно лег спать.

Утром я был очень удивлен, увидя, что гора стала совершенно белой. Снег все еще шел, подгоняемый сильным ветром. Сначала мне это очень понравилось, но потом я заметил, что отец и дедушка что-то расстроены, и тоже стал беспокоиться, тем более что нога дедушки сильно разболелась и он совсем не мог ступить на нее.

— Иди, иди скорее, — торопил он отца, — иди, пока снегу не выпало еще больше. Видишь сам, что я не могу идти с вами.

— Но как же я брошу вас здесь, батюшка? — возражал отец.

— Позаботься о сыне и о стаде, потом будешь думать обо мне. Ты можешь прийти за мною с носилками.

— Но я могу донести вас на плечах, — говорил отец.

— Невозможно нести меня и смотреть в то же время за ребенком и за стадом.

Я уверял, что уже достаточно велик, что не нуждаюсь в надзоре и что я помогу отцу проводить стадо. Все наши уговоры были бесполезны, дедушка оставался при своем решении: он боялся стеснить и задержать нас в пути. Так

провели мы часть дня, не решаясь идти и отчасти поджидая, что придет помощь из дома. Но никто не шел. Снег усиливался. Отец был в отчаянии; я плакал. Наконец я решился сказать отцу:

— Оставь меня в хижине с дедушкой. Без нас ты придешь скорее домой и потом вернешься за нами с народом. Дедушка все-таки будет не один. Мы будем заботиться друг о друге, а Бог позаботится о нас обоих.

— Луи прав, — сказал дедушка, — снег и ветер так усиливаются, что для него, пожалуй, опаснее идти, чем оставаться здесь. Иди, Франсуа, возьми с собой мою палку, она крепкая и с железным наконечником, она поможет тебе спускаться, так же как помогала мне подниматься. Выгоняй коров, оставь нам только козу и провизию. Я больше беспокоюсь за тебя, чем за нас.

Отец сидел несколько минут молча, опустивши голову, потом встал, быстро обнял меня и сказал со слезами на глазах:

— Я не хочу упрекать тебя, Луи, но ты сам видишь, к чему повела твоя неосторожность. Теперь уж, конечно, ничего не поделаешь. Если бы мы могли предполагать вчера, что будем в таком затруднении, мы не отпустили бы Пьера, и он мог бы помочь дедушке.